

Обласканный солнцем снег к концу дня подтаивает, а к утру, схваченный лёгким морозцем, превращается в крепкий наст, способный выдержать взрослого человека. Весна!.. Она всегда услаждает слух мелодией оживающего леса, хочется полной грудью вдыхать свежие запахи природы. Солнце изумрудными переливами снега зачаровывает человека, вдохновляет его. Новое, ещё неизведанное рождает желание познать и увидеть собственными глазами то, что будоражит душу, развивает воображение.

В один погожий день приятель предложил мне пойти в рям, где всегда много тайн и загадок.

Я с радостью согласился, и через полчаса, соответствующе экипированные к походу, мы тронулись в путь. На ходу, неторопливо шагая, мой напарник рассказал мне о цели похода.

Семье Михаила, моего спутника, понадобилась вытопленная вешним солнцем смола молодых сосновых почек. Зимы в Сибири долгие и снежные. Мало солнечного света, тепла. Цинга и простудные заболевания частые явления в таёжной глухомани, а смола почек – первейшее и лучшее лекарство.

Путь до рьяма недолог: несколько сот метров по гриве, затем по маковку заваленному снегом кочкарнику, через молоденький подлесок да заросли багульника к заветной цели.

Айтыков рям – это удивительно богатейшая кладовая в нашем крае. На сгнивших остатках растений, образующих торф, растёт мох, на нём – клюква, морошка, брусника, куманика, голубика, багульник, камыш, осока, невысокие разлапистые сосёнки, а по кромке рьяма – тонкий осинник, карликовая берёзка, рябинник, тальник. Здесь всегда влажно, но даже в

засуху можно найти воду: выкопай в рыхлой почве глубокую ямку, захвати пригоршню сырого торфа, отожми его через чистую тряпицу – и пей, утоляй жажду!

Сосны на торфяниках тянутся не вверх, как в бору, а вширь, иначе сильные осенние ветра вырвут их с корнями из непрочной почвы, не позволят подняться высоко.

Наст был прочен, и мы, почти не проваливаясь, безбоязненно переходили от деревца к деревцу, собирая в берестяное лукошко липкую смолу. Иногда набрав в рот, жевали её, сплёвывая горькую слюну.

Я подошёл к сосне, лежащей на снежном покрове. Она устремилась в небо тёмно-зелёной кроной, с чёрным парашютом корявых корней, которые удерживали ещё на себе остатки торфа.

Такие сосны в ряму – редкость. Их использовали для новогодних праздников. Но эта не дотянула до праздника и теперь доживала свой век, безнадёжно цепляясь остатками корней за мягкий торф, никому не нужная, непригодная ни на столб, ни на жердину прясла.

Обходя выворотень стороной, я увидел глубокую яму под куполом корней и, о ужас! неожиданное, леденящее душу зрелище... Мой взгляд, словно невидимыми цепями, был мгновенно прикован к огромному клубку перезимовавших гадюк. Под тёплыми лучами солнца они медленно извивались, переливаясь всеми оттенками красок. Тела скользили, менялись местами. Всё это завораживало и устрашало своей дикой силой.

Такое я увидел впервые и был парализован. По спине полз холодный пот. Окаменевшее тело превратилось в глыбу, бешено колотилось сердце. Язык омертвел, во рту пересохло и стало терпко. Я не мог пошевелиться и даже вскрикнуть от пугающего меня ужаса и невиданной красоты.

Михаил дёрнул меня за рукав, и мы тихонько стали уходить от чужой, неведомой нам жизни.